

Григорий Захарович Елисеев

<О романе "Преступление и наказание">

Критика 60-х годов XIX века / Сост., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. -- М., ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательства АСТ", 2003. (Библиотека русской критики)

OCR Бычков М. Н.

Г. Ф. Достоевский в начале своего литературного поприща, которое относится к сороковым годам, был одним из лучших представителей образовавшейся тогда так называемой *натуральной школы*. Школа эта оказала весьма важную услугу нашей литературе именно тем, что она только действительное признала достойным художественного изображения. Но так как всякая действительность, eo ipso {Вследствие этого (лат.)}, потому только, что она действительность, становилась, по ее воззрениям, материалом, годным для художественного изображения, то отсюда происходили два важных недостатка натуральной школы:

1) бесцельность художественных изображений, копирование действительности только ради того, чтобы показать свое искусство копировать. На этом основании даже Белинский не только не усомнился казака Луганского за его физиологические очерки возвести в поэты, но даже сказать о нем, что он относительно создания типов "после Гоголя решительно первый талант в русской литературе"¹;

2) неразборчивость между действительностью и недействительностью, смешение действительности, существующей в качестве отдельных, исключительных фактов, случайных, ничтожных явлений, с действительностью, имеющей широкое основание в жизни, или разумное *raison d'être* {Разумное основание, смысл (франц.)}. Отсюда выбор в герои таких лиц, которые представляли чистые курьезы в нравственном мире, например, "Двойник" г. Достоевского.

Критика тогдашнего времени благодушно относилась к таким явлениям в литературе, во-первых, потому, что против прежнего они составляли все-таки шаг вперед; во-вторых, главным образом, потому, что Белинский, главный представитель литературной критики, от ногтей юности пропитанный чисто художественными воззрениями на литературу, до самой смерти своей не мог окончательно отрешиться от этих воззрений. В последнее время своей критической деятельности он уступал, что искусство, несколько не роняя себя, может служить целям чисто практическим, но вместе с тем художественность признавал и за теми произведениями, которые представляли собою только бесцельное изображение действительности.

Воспитанные в таких эстетических воззрениях, поэты натуральной школы, за исключением немногих, оказались несостоятельными для восприятия воззрений последнего времени на искусство. И так как это необходимо повлекло за собою падение прежнего их авторитета, то некоторые из них не могли благодушно перенести такой не ожидаемой ими катастрофы. Они стали в оппозицию к тем идеям, которые заняли место сказанных воззрений, и стали с озлоблением преследовать самые идеи. Нам не нужно называть имен и лиц; читатель, следивший за литературой последнего времени, знает, о ком и о чем мы говорим.

В ряды этих озлобленных движением последнего времени, видимо, хочет стать теперь и г. Ф. Достоевский новым своим романом. Несколько мы правы в своем предположении, во всяком случае нелестном для г. Достоевского, к которому образованная публика, несмотря на его литературную несостоятельность, не утратила доселе вполне своих симпатий, -- пусть судит читатель по нижеследующему:

Студент университета, очень бедный молодой человек, перебивающийся кой-как, решается убить одну старуху-ростовщицу, чтобы поживиться ее деньгами. Он совершенно убежден в том, что, убив старуху, ни для чего не годную в сем мире, он не совершит никакого преступления, а, пожалуй, совершит еще некоторого рода подвиг. Но самый акт совершения убийства есть для него дело новое, непривычное; мысль о нем приводит его в смущение, порождает в нем малодушие. И вот эту-то борьбу между благородною решимостью на убийство, с одной стороны, и между малодушием на осуществление такой решимости -- с другой и изображает г. Достоевский в напечатанной теперь первой части своего романа. Дело кончается, однако ж, тем, что убеждением преодолевается малодушие. Студент убивает не только ростовщицу, но и подвернувшуюся некстати ему под руку после совершения убийства сестру ее.

Но чем же, спрашивается, студент убеждается, что убийство, которое он совершит, не есть преступление, а некоторым образом подвиг?